

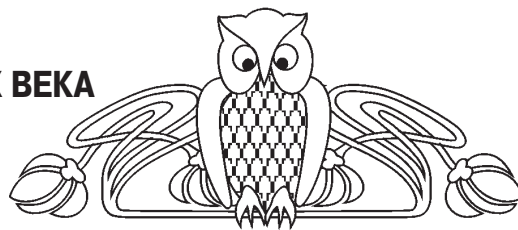

УДК 27–86(470.41) «18/19»

ЧИСЛЕННОСТЬ СТАРООБРЯДЧЕСТВА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

И.Р. Латыпов

Институт истории при Академии наук Татарстана, Казань
E-mail beaulatipov@yandex.ru

Статья посвящена проблеме статистики старообрядчества. Автор исследует меры правительства в этом направлении и отвечает на острые вопросы: какие у проводимых переписей староверов были преимущества и недостатки, почему статистика не дала желаемых результатов? Также в статье проливается свет на изменения численности сторонников старой веры в Казанской губернии в XIX и начале XX в., старообрядческие центры в губернии и на многое другое.

Ключевые слова: старообрядцы, статистика, перепись, Казанская губерния, история церкви.

Number Old Believer the Kazan Province in XIX – the Beginning of XX Centuries

I.R. Latypov

Article is devoted a statistics problem Old believers. The author investigates government measures in this direction and answers thorny questions: what advantages and lacks why the statistics has not given desirable results at spent censuses of conservatives were. Also in article light is shed changes of number of supporters of old belief in the Kazan province in XIX and the beginning XX centuries, the old believe centres in province and on many other things.

Key words: Old Believers, statistics, census, Kazan province, church history.

Статистический вопрос в истории старообрядчества – один из самых сложных, однако именно количество приверженцев веры определяет степень ее влияния. Государственная власть с начала XVIII в. осуществляла попытки вести учет количества старообрядцев, проживающих на территории Российского государства¹.

Статистика раскола получила свое начало еще при Петре I, который в 1720 г. предписал всем старообрядцам объявлять о себе в приказе церковных дел. С 1722 г. в Святейший синод стали поступать ежегодные ведомости о явных раскольниках, положенных в двойной оклад, и эти ведомости в течение почти всего столетия оставались единственным документом о размерах и движении раскола. Они фиксировали только души мужского пола². Надо сказать, что мера эта не имела никакого успеха, потому что незадолго до этого указа старообрядцы были обложены двойными податями, отличены особой обязательной одеждой. Иными словами, у старообрядцев появился прямой интерес избежания двойного оклада и разных унижительных мер. Таким образом, все меры правительства обнаружить численность старообрядчества распространялись только

на ту часть старообрядцев, которая не успела или не хотела скрыться. Уже тогда старообрядчество стало тщательно избегать гласности, поэтому все свои дела облекло в таинственность.

Начиная с указа 14 декабря 1762 г., который прекратил гонения на старообрядцев, в течение полувека постепенно развивается политика веротерпимости³. Старообрядцы были поставлены в положение вполне безопасное, даже с правами юридического существования некоторых общин. Правительство стало смотреть на них снисходительно, в 1775 г. оно постановило брать с них рекрут натурой, наравне с православными, с 1782 г. сложило двойной оклад, допустило к общественным должностям⁴. Из-за ликвидации исключительных финансовых мер ведомости о них прекратились и старообрядцы вошли в общую ревизию, их особое счисление прекратилось.

Попытка возобновить статистику старообрядчества была сделана при Александре I, тотчас по учреждении Министерства полиции, в ведение которого поступили дела о «расколе». 18 августа 1811 г. по Высочайшему повелению было постановлено: «всем начальникам губерний собрать сведения, сколько в которой находится старообрядцев, и ведомости о них доставлять ежегодно к 1 января и 1 июля министру полиции»⁵. Предприятию министра полиции не суждено было осуществиться – как только Наполеон вступил в пределы России, начавшаяся перепись раскольников была прекращена.

В 1820 г. Министерство полиции было упразднено, дела о старообрядцах перешли в особую канцелярию Министерства внутренних дел (далее – МВД). Ведомости стали поступать с 1824 г., в полном объеме – с 1826 г.⁶

С начала царствования Николая I мы встречаем целый ряд указов о доставлении ведомостей о числе старообрядцев. Следствием этих указов стало доставление раскольничьих ведомостей⁷. По Российской империи ведомости показывали наличие от 825 тыс. до 1 млн старообрядцев. Цифры по Казанской губернии были следующие: 1826 г. – 8 738 старообрядцев, 1827 г. – 8 934, 1837 г. – 8 106, 1839 г. – 8 145, 1841 г. – 8 502, 1846 г. – 7 970 старообрядцев⁸.

Казанская губерния не была центром старообрядчества. По количеству последних она была крепким середняком: в 28 губерниях староверов было больше, в 30 губерниях их было меньше.

Впрочем, следует заметить, что самые старообрядческие губернии – Саратовская (51 тыс.) и Нижегородская (30 тыс.) были соседями Казанской губернии.

Что же говорят нам эти цифры? К каким выводам мы можем прийти?

Во-первых, доставленные цифры верно определяли относительную численность согласий старообрядцев. В Казанской губернии поповцы преобладали над беспоповцами.

Во-вторых, статистика верно показывала преобладание в старообрядчестве женского пола над мужским.

В-третьих, если брать общеимперские цифры, то они верно указывают на те местности, где преобладал раскол, т.е. в Московской, Саратовской, Пермской, Тобольской, Черниговской губерниях. Казанская же, действительно, уступала этим центрам старообрядчества, о чем и говорят цифры.

В то же время исследователи подвергли сомнению данные официальной статистики. Известный полемист со старообрядцами в XIX в. и кандидат богословия Михаил Николаевич Васильевский – один из многих, кто критиковал перепись старообрядчества. Ее неудачу он видел в следующем: «... официальная статистика оказалась неудовлетворительной. Зависело это от ведения ее первоисточников – именных полицейских списков и духовных росписей. В полицейские списки заносились только записные раскольники, т.е. потомки плативших в XVIII столетии двойной оклад, да и те не все. В иных уездах цифры не изменялись по 40 лет и, несмотря на естественное приращение населения, число раскольников показывалось или одно и то же по 10 лет или с каждым годом понемногу убавлялось исправниками, чтобы показать пред начальством “благополучие уезда и усердие свое” к ослаблению раскола»⁹.

Не только уездный исправник (гражданская власть) имел причины быть неточным в показаниях духовных росписей. Еще больше причин для этого имело местное духовенство. «Если бы какой-нибудь священник вздумал представить в консисторию действительную цифру раскольников своего прихода, то ему угрожала бы еще более чувствительная неприятность, чем исправнику. Обнаруживая действительное число раскольников и чрез то показывая их больше чем раньше, каждый священник имел основание опасаться, что его сочтут “за слабого священника и неспособного” и заставят поплатиться за это»¹⁰.

Кроме субъективных причин неудачи статистики старообрядцев, были и объективные. Базовой причиной являлось общественное и правовое положение старообрядцев в XIX веке. Как справедливо отмечал профессор Духовной академии Н.И. Ивановский: «Репрессивные меры правительства по отношению к расколу ставят непреодолимые препятствия создать статистику раскола. При таких отношениях раскольники будут всегда скрываться от взора правительства;

только под условием веротерпимости и возможна более или менее верная статистика раскола»¹¹.

Действительно, при подобных условиях наивно было бы ждать, что старообрядцы, признанные духовной и светской администрацией особенно вредными, на вопрос счетчика отвечали бы с полной откровенностью. Как пишет А.С. Пругавин: «Счетчики переписи зарегистрировали фанатиков, готовых страдать за веру. Но подобные люди составляют меньшинство. Огромное же большинство обыкновенных средних людей, во избежание всякого рода неприятностей, постаралось, конечно, так или иначе уклониться от ответов»¹².

Таким образом, мы обозначили две основных причины недоверности статистических сведений по старообрядцам. Во-первых, это правовой статус староверов. Репрессивные меры против них и взгляд правительства как на враждебную силу способствовали замкнутости, закрытости и скрытности сторонников старой веры. Во-вторых, это страх перед наказанием приходского духовенства и местных властей. Если бы они показали большую цифру старообрядческого населения, это вылилось в большую для них неприятность.

Самым же поразительным образом несообразность официальной цифры с действительностью обнаружилась перед правительством в 1850 году. Тогда, по случаю исполнившегося 25-летия царствования Николая I, все министры и главноуправляющие отдельными частями, кроме годовых отчетов, представили отчеты за 25 лет. Представил свою записку и министр внутренних дел граф Л.А. Перовский. Оказалось, что к началу царствования Николая раскольников в России было 827 тысяч, в 25 лет обратилось к православию более миллиона и все-таки к 1851 г. осталось их 750 тысяч¹³.

Император, прочитав «Записку о расколе в 1825–1850 годах», приказал графу придумать средства, каким бы образом, не возбуждая народных толков о записи в старообрядцы, негласно и осторожно собрать возможно верные сведения о числе старообрядцев, хотя бы в некоторых губерниях. Было решено образовать «статистические экспедиции» для Нижегородской и Ярославской губернии: первую – под начало П.И. Мельникова, а вторую – председателя петербургской уголовной палаты И.С. Синицына. Позже признали нужным отправить экспедицию и в Костромскую губернию, туда направили чиновников министерства Брянчанинова и Арнольди.

Исчисления статистической экспедиции резко разошлись с официальной статистикой (таблица).

П.И. Мельников исследовал Казанскую губернию: «Исследования по Казанской губернии мной не окончены, пробыв в Казани месяц (с февраля по март 1855 г.), я отправился в Санкт-Петербург для личных объяснений с министром. В это время исследование по расколу прекратилось, я

Численность старообрядцев

Губерния	Данные статистики	
	Официальной	Экспедиции
Нижегородская	20 246	172 500
Костромская	19 870	105 572
Ярославская	7 454	248 417

больше не возвращался в Казанскую губернию. Успел собрать данные только по Казани. По моим подсчетам их было 72 тысячи. Преосвященный казанский архиепископ Григорий, сообщая мне разные сведения о расколе в его епархии, замечал, что раскольников в его епархии должно быть более ста тысяч»¹⁴.

Итог по трем губерниям был неутешительным: 47 570 старообрядцев по официальной статистике и 556 389 по данным экспедиций. Разница в 11 раз.

Чиновники МВД и некоторые исследователи пошли по пути от частного к общему и, отгалкиваясь от разницы официальной статистики и данных чиновников МВД в 11 раз, множили официальную цифру 900 тысяч на 11 и получали 9–10 млн старообрядцев.

К группе исследователей, ратовавших за цифру в 9–10 млн, относились И.П. Липранди, В. Кельсиев, П.И. Мельников, А.С. Пругавин, И. Юзов.

Некоторые из них, И. Юзов например, шли дальше и к 9,5 млн добавляли факторы естественного прироста и пропаганды. Так, к 1859 г. выходило, что, «принимая во внимание сильное распространение раскола за последние 20 лет путем пропаганды, цифру 12 млн можно повесить до 13–14 млн»¹⁵.

А.С. Пругавин, учитывая эти же факторы, приходил к выводу, что к началу XX в. их должно быть уже около 20 млн: «... мы видели, что уже в начале 80-х гг. исследователи раскола, основываясь на официальных сведениях, считали всех староверов до 15 млн. А если принять во внимание прирост населения и увеличение путем пропаганды, то едва ли будет большой ошибкой определить число всех старообрядцев в настоящее время (1904 г.) в 20 млн»¹⁶.

То есть о 10-миллионном числе старообрядцев в середине XIX в. говорили, как о вопросе уже решенном и не нуждающемся в дальнейших доказательствах. Для историков было важнее прикинуть на глаз, сколько старообрядцев набиралось ближе к XX веку.

Спорность утверждений и приблизительность вычислений этих историков очевидна. Во-первых, нельзя делать вывод о всей империи исходя из сведений по трем губерниям и так легко жонглировать цифрами. Во-вторых, прежде чем делать далеко идущие выводы, необходимо было проверить точность исследований статистических экспедиций. В-третьих, рассуждения, что все, кто не исповедывался по нерадению и почти все

кто исповедывался, но не приобщился – старообрядцы, представляются нам столь же приблизительными и неоднозначными, как вычисление общего количества старообрядцев исходя их цифр трех губерний.

В противовес историкам, ратовавшим за 10-миллионную цифру, выступила следующая группа исследователей: Н.И. Ивановский, Н.И. Субботин, М.Н. Васильевский, игумен Павел.

Н.И. Ивановский следующим образом критикует цифру в 10 млн: «Главный источник 10-миллионной цифры – показания чиновников МВД. На чем основывались эти показания? Как определяли в раскольники? За основу брали вещественные признаки. Нет спору, что эти признаки не лишены значения, но опираться только на них, значит избрать путь скользкий»¹⁷. И один за другим Н.И. Ивановский разбивает критерии, по которым чиновники записывали в старообрядцы. Что говорить, если даже сам П.И. Мельников, руководитель одной из экспедиций, признавал что «при производстве исследований на местах ни по духовному ведомству, ни по гражданским губернаторам и специальным чиновникам не было дано одинаковой программы действий, и каждый действовал по своему усмотрению. Конечно, это большой недостаток... Так Синицын в Ярославской губернии признаками раскола считал домашнее употребление листовок, подручников и ручных кадилниц. Если этот признак был принят в основание в Нижегородскую губернию, то мне пришлось бы все население Заволжья отнести к раскольникам»¹⁸.

Н.И. Ивановский, в свою очередь, не только критикует чужие критерии записи в староверы, но и предлагает свои. Главным условием решения вопроса о правильном понятии численности старообрядцев историк видит указание тех признаков, которые составляют принадлежность действительного старообрядца. Признаками старообрядца он называет:

- 1) двуперстие при изображении крестного знамения;
- 2) присягу, заключающую в себе проклятие раскольников и их мнений;
- 3) уклонение от участия в церковных собраниях, таинствах.

И сам тут же разрушает названные признаки. Присягу он считает средством очень медленным. Либо старообрядцы могли просто солгать, что привело бы к нежелательному клятвopеступлению. Уклонение от участия в церковных таинствах, для

Н.И. Ивановского, также не абсолютный признак, так как многие раскольники принимают некоторые церковные таинства. В итоге он приходит к выводу, что только приходское духовенство сможет проводить точную статистику. «Все перечисленные признаки (внешние, вещественные) могут указывать пастырю церкви тех лиц, на которых должно быть обращено его внимание. При близости священника к своим прихожанам, при их непосредственных отношениях, первому как весьма легко заметить означенные признаки, так и в прямой беседе... вот от кого мы можем получить достоверные сведения»¹⁹.

Присоединяется к своему учителю и аргументированно критикует цифру в 10 млн М.Н. Васильевский. Он указывает на то, что министерские чиновники, собиравшие сведения о старообрядцах в других губерниях (Вологодской, Симбирской и Саратовской), показали там число староверов лишь немногим более официальных данных. Так, в Вологодской в 1846 г., по официальным данным, было показано 2 569 беспоповцев, а в 1850 г. чиновник показал их 3 520²⁰, в Симбирской – 7 500, а чиновник 8 308²¹, в Саратовской – 41 870 старообрядцев, а чиновник МВД – 44 096²².

Справедливость сомнительного отношения к 9–10-миллионной цифре, по мнению М.Н. Васильевского, станет еще очевидней, если мы рассмотрим, каким образом статистические экспедиции производили исчисления. «Со стороны министерства внутренних дел им не было дано никаких указаний. Вот что им говорит граф Л.А. Перовский: “Вы посылаетесь в первый раз в виде опыта, самые ошибки в этом новом деле будут полезны впоследствии при производстве таких же работ по губерниям”. Не получив определенных указаний, исследователи сами тоже незнакомые с делом, действовали по своему усмотрению. Синицын, например, очевидными признаками считал листовки с треугольниками, род подушечек, подкладываемых при земных поклонах под руки и т.д.»²³.

При Александре II статистика раскола представляла для правительства один из важных вопросов²⁴. Впрочем, цифры, собираемые правительством, изменились не сильно. Данные, опубликованные в 1863 г. статистическими таблицами со статистикой за 1858 г., почти не отличались от предыдущих. Общее число старообрядцев в Российской империи составляло 759 880 тыс., или 1,5% от всего православного населения России (49 809 891).

В Казанской губернии старообрядцев было показано 8 954 (3 892 мужчин + 5 122 женщин), или 0,8% от православных губернии (1 102 756 человек). В уездах Казанской губернии проживало 5 048 старообрядцев, в городах – 3 906.

Таким образом, официальная статистика была представлена сведениями, собранными начальниками губерний. Были и другие ведомости, составленные духовным ведомством, которые пред-

ставлялись в отчетах Святейшего синода. Однако существенной разницы между ними и сведениями светских властей не было. Каких-либо серьезных корректировок в численности староверов в той или иной губернии они не вносили. Например, в 1854 г. Казанская духовная консистория показала 8 735 старообрядцев²⁵. В 1878 г. казанский архиепископ называет число староверов в Казанской епархии «все еще значительным. Оно простирается до 12 тысяч душ обоего пола»²⁶.

Вместе с тем конкретные сведения по отдельным городам, местностям представляются вполне правдоподобными. К их числу относятся описания относительно независимых экспертов. Относительно независимых потому, что такого понятия вообще в то время существовать не могло. Среди таких экспертов были чиновники МВД (П.И. Мельников), миссионеры (П. Элпидин), исследователи-любители (А. Гренков, М.Н. Пинегин).

Так, в 1867 г. А. Гренков пишет в журнале «Православный собеседник», что только в Свияжском уезде частные и местные изыскания убеждают, что число их в этом уезде превосходит по крайней мере тысяч до десяти²⁷.

В 1890 г. историк М.Н. Пинегин сообщает: «В Казани сосредоточено много раскольников. Здесь их собралось относительно вдвое больше чем в Москве, и в 10 раз больше, чем в Санкт-Петербурге. Москва – 2,2%, Казань – 5,27%, Санкт-Петербург – 0,5% от всех жителей»²⁸. Зная, что в Казани образца 1890 г. проживало 133 208 жителей, приходим к выводу: 6 тыс. старообрядцев было только в одной Казани.

Следует, однако, иметь в виду, что методика проведения подобного рода исследований отсутствует, совершенно непонятно, откуда появились данные и их правдоподобность настолько же вызывает сомнения, насколько обоснованность официальных цифр. Достоинством этих сведений является то, что они ставят под большое сомнение данные, предоставляемые правительством.

Общая картина по статистике старообрядцев в корне изменилась после Первой общеимперской переписи, проведенной в 1897 г. по указу императора Николая II. Старообрядцев в Казанской губернии было показано 23 534 человека, или 1,6% от всего православного населения губернии. Напомним, что раньше (первая половина XIX в.) эти цифры колебались между 8 и 9 тысячами.

Несмотря на неточность статистических сведений, соотношение численности старообрядцев, проживающих в различных уездах Казанской губернии, зафиксированное по статистическим отчетам, отражает реальную ситуацию и позволяет определить, какие территории были наиболее заражены «расколом».

Цифры показывают малочисленность старообрядцев в Козмодемьянском (400 чел.), Царевкокшайском (13 чел.), Чебоксарском (68 чел.),

Ядринском (1 чел.), что действительно отражало реальную картину. Это обусловлено тем, что означенные уезды населены в основном не русскими, а инородцами – марийцами и чувашами. В Мамадышском уезде малочисленность старообрядцев обусловлена тем, что большинство населения – мусульмане. Центрами старообрядцев в Казанской губернии являлись уезды: Казанский (6 755 чел.), Свияжский (4 715 чел.), Чистопольский (5 794 чел.) и Тетюшский (3 507 чел.).

С официальной цифрой в 22 тыс. по Казанской губернии рубежа XIX и XX вв. был не согласен местный архиепископ Арсений: «По официальным данным, раскольников 22 тыс. душ обою пола, но на самом деле их гораздо больше. Точная статистика невозможна, так как среди них существует много скрытых сект, последователи которых именуют себя православными и иногда притворяются»²⁹.

После опубликования Манифеста 1905 года, даровавшего староверам относительную свободу вероисповедания, в литературе стали появляться статьи с надеждой, что сейчас начнется точная статистика. Со страниц только что открывшегося старообрядческого журнала «Старообрядческая мысль» И.И. Кириллов заявляет: «Статистика староверов до 1905 г. при тогдашнем полицейском режиме в сущности была разведкой правительства в неприятельском лагере, с целью ясной и незамаскированной для его противников староверов и нет ничего удивительного, что сведения граничили с пылкой фантазией. С изменением нашего государственного строя должен измениться и взгляд на статистику староверия, а так как меры к искоренению раскола находятся в компетенции внутренней миссии официальной церкви, то, возможно, что правительство не будет заниматься собиранием цифр о староверии. Посмотрим на всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905–07 и за 1908–09 гг. Числа староверов по епархиям нет, а раньше были... Итак, кто же должен теперь принять труд по ведению и разработке статистики староверов? Тот, кому это сейчас нужно – самим староверам. Но это сознание не проникло в умы староверов и даже староверческое духовенство смотрит на анкеты подозрительно»³⁰.

И.И. Кириллов ошибался. Действительно, после дарования свободы вероисповедания в 1905 г. вопрос о численности старообрядцев уходит на второй план в связи с революционными событиями. Однако уже в конце первого десятилетия XX в., когда положение в стране стабилизировалось, появилась насущная необходимость совершенствовать систему законов о старообрядцах, получивших в ходе революции статус полноправных граждан. В связи с этим данные о численности старообрядчества в России тщательно собирают и публикуют статистические комитеты и МВД.

Так, в 1909 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий при МВД просит казанского губернатора собрать и доставить им сведения:

1) о всех находящихся в пределах губернии зарегистрированных или не зарегистрированных вероисповедных согласиях с приблизительным определением числа душ;

2) о всех существующих в губернии как с надлежащего разрешения, так и без оного религиозных общинах и сооружениях³¹.

Подобные сведения о старообрядцах доставлялись губернатором в департамент духовных дел при МВД ежегодно. Рапорты о старообрядцах за 1909 г., как и аналогичные им сведения за следующие года, дают нам информацию о численности старообрядцев Казанской губернии по толкам. Так, к 1912 г. самое многочисленное представительство было у противоокружников (6 788 чел.), за ними шли окружники (4 193 чел.), поморцы (3 983 чел.), спасовцы (3 605 чел.), рябиновцы (3 134 чел.). Самое малочисленное согласие из зарегистрированных – федосеевцы (977 чел.).

Из сведений за 1912 г. мы также узнаем о центрах старообрядцев не только по уездам, но и по населенным пунктам. Среди городов это Казань и Чистополь, среди сел это Верхний Услон (Свияжский уезд), Соболевское (Свияжский уезд), Базарные Матаки (Спасский уезд), Шонгуты (Тетюшский уезд), Мельничий Починок (Лайшевский уезд), Красновидово (Чистопольский уезд), Можарки (Цивильский уезд)³². В этих населенных пунктах число старообрядцев превышало несколько сотен и составляло, как минимум, половину всех жителей.

Подведем некоторый итог. Официальные сведения по численности старообрядцев в течение всего XIX в. были почти неизменны. По Российской империи они показывали от 800 тыс. до 1,1 млн, по Казанской губернии – от 8 до 9 тысяч. Начиная со Всеобщей переписи 1897 г. ситуация изменилась. После Манифеста 1905 г., даровавшего свободу религиям, старообрядческие общины и вовсе стали регистрироваться, а их члены гораздо охотнее признавали себя старообрядцами при переписях. С 1897 г. число старообрядцев Казанской губернии «выросло» с 8–9 тысяч до 21–28 тысяч.

Старообрядцы Казанской губернии по численности составляли третье по величине религиозное объединение, уступая православным и мусульманам. По официальным данным, в Казанской губернии XIX в. на одного старообрядца в среднем приходилось 120 православных и 60 мусульман. Начиная с 1897 г. на одного старообрядца Казанской губернии в среднем приходилось 66 православных и 30 мусульман.

Статистика старообрядцев не давала цифр, соответствующих действительности. Это было очевидно не только всем научным исследователям этого вопроса, но и самой официальной власти. Последняя понимала важность вопроса. Ведь то, что можно предпринять против 10 тысяч, нельзя

предпринять против 100 тысяч, а то, что можно против 100 тысяч, нельзя предпринять против миллиона. Однако все принятые меры властью в XIX в. так и не привели к положительным результатам.

Основной причиной неудачи счисления старообрядцев являлся их правовой статус. Из-за репрессивной политики правительства и ущемленного положения староверов огромная их масса боялась признать себя старообрядцами и, таким образом, оставалась в тени. Весь XIX в., несмотря на привилегии и льготы, дарованные старообрядцам, они, как и два столетия назад, оставались для официальной власти враждебной силой.

По логике высших властей и согласно проводимой ими политике количество староверов должно было неуклонно сокращаться. И те сведения, которые подавались с мест по требованию различных высших инстанций, искажались таким образом, чтобы показать хотя бы незначительное, но сокращение числа старообрядцев в данной местности. Если бы местные власти показали истинную цифру, их бы ждала серьезная неприятность.

Неразбериха и путаница в области статистики объясняется еще и тем, что вопросами раскола занимались разные ведомства, как светские, так и духовные. В архивах к настоящему моменту осели документы, содержащие самые противоречивые сведения, относящиеся к одной и той же местности, датируемые одним периодом. Это обстоятельство также затрудняет выявление истинного положения дел.

Впрочем, кроме недостатков у статистики были и преимущества. Это относительное число старообрядцев, их распределение по уездам, населенным пунктам и толкам. Благодаря проводимым переписям мы узнаем о центрах старообрядчества, какие согласия были более популярны в губернии. Так, в Казанской губернии самыми крупными центрами были города Казань и Чистополь, среди уездов лидировали Свияжский, Казанский, Чистопольский и Тетюшский. Поповцы преобладали над беспоповцами. Самыми многочисленными согласиями являлись: поповцы (с 1846 г. белокрыницкая иерархия), рябиновцы, поморцы, фелдосеевцы, спасовцы³³.

Примечания

¹ *Ивановский Н.И.* О численности раскольников // Православный собеседник. 1867. Ч. I. С. 261.

² Статистические таблицы. Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1863. Вып. 2. С. 206.

³ *Ивановский Н.И.* Указ. соч. С. 264.

⁴ Статистические таблицы. С. 707–709.

⁵ Собрание постановлений по части раскола. Лондон, 1863. Вып. 1. С. 28.

⁶ Статистические таблицы. С. 210.

⁷ *Ивановский Н.И.* Указ. соч. С. 267.

⁸ *Варадинов Н.В.* История Министерства Внутренних Дел. СПб., 1863. Кн. 8. С. 161, 172, 374.

⁹ *Гренков А.* Несколько слов о расколе в Казанской губернии // Православный собеседник. 1867. Ч. I. С. 35.

¹⁰ *Васильевский М.Н.* Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань, 1914. 260 с.

¹¹ Статистические таблицы. С. 12.

¹² *Пругавин А.С.* Старообрядчество во второй половине XIX в. М., 1904. С. 14.

¹³ *Мельников П.И. (Андрей Печерский)* Счисление раскольников // Русский вестник. 1868. № 2. С. 419.

¹⁴ Там же. С. 435.

¹⁵ *Юзов И.* Староверы и духовные христиане. Русские диссиденты. СПб., 1881. С. 37.

¹⁶ *Пругавин А.С.* Указ. соч. С. 17.

¹⁷ *Ивановский Н.И.* Указ. соч. С. 289.

¹⁸ *Мельников П.И.* Указ. соч. С. 436.

¹⁹ *Ивановский Н.И.* Указ. соч. С. 300.

²⁰ *Варадинов Н.В.* Указ. соч. С. 447, 537.

²¹ Там же. С. 553.

²² Там же.

²³ *Васильевский М.Н.* Указ. соч. С. 45.

²⁴ *Пругавин А.С.* Указ. соч. С. 462–464.

²⁵ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 2. Оп. 3. Д. 8660.

²⁶ Известия по Казанской епархии за 1876, 1877, 1901 года. Казань, 1876, 1877, 1901.

²⁷ *Гренков А.* Указ. соч. С. 219.

²⁸ *Пинегин М.Н.* Казань в ее прошлом и настоящем. Казань, 2005. С. 567.

²⁹ Известия по Казанской епархии 1901 года. Казань, 1901. С. 724.

³⁰ *Кириллов И.И.* Статистика старообрядчества // Старообрядческая мысль. 1913. С. 20–26.

³¹ НАРТ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 8660.

³² Там же.

³³ См.: *Кельсиев В.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. 1860–1862. Т. IV. 382 с.; Ведомость о распределении населения Казанской губернии по вероисповеданиям за 1900 год. Казань, 1901. 3 с.; Первая Всеобщая перепись Российской империи 1904. СПб., 1904. Т. XIV. 284 с.